

Инна Молно

Недочитанный
роман

Инна Шолпо

Недочитанный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19148176

ISBN 9785447491680

Аннотация

Они встречаются на просторах Интернета, такие разные во всем – Рыцарь и его Дама. Что это – виртуальная игра или любовь? Несколько сюжетных линий причудливо сплетены между собой: любовный сюжет проигрывается параллельно в условном средневековье, в середине XIX века и в наши дни, показывая, что «времена идут, но, в сущности, ничего не меняется». Удастся ли бабочке-душе выйти из круга predetermined обидности, а чувствам героев – не стать жертвой их представлений о «правильной» жизни?

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
1	6
2	8
3	14
4	15
5	21
Глава вторая	23
1	23
2	24
3	26
4	30
5	31
6	33
7	42
8	49
Глава третья	50
1	50
2	54
3	56
4	59
5	62
6	66

Конец ознакомительного фрагмента.

Недочитанный роман

Инна Шолпо

© Инна Шолпо, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?
(Б. Пастернак)

Глава первая

1

Был холодный, ненастный летний вечер. Весь день моросил мелкий дождь, и небо было сплошь затянуто серыми тучами. Ветер порой тревожно шумел в саду, порой завывал в трубе жалобно и сердито. В гостиной даже днем горели свечи, а теперь, когда на улице сгустились сумерки и углы комнаты растворились в темноте, не хотелось отходить от зажженного камина.

У немолодой рыжеволосой дамы, сидевшей в кресле возле огня, слипались глаза над книгой, и она уже подумывала, не пойти ли спать пораньше, но ей не хотелось тревожить кошку, уютно примостившуюся у нее на коленях. И тут в дверь постучали...

Да, примерно так мог бы начаться этот роман в былые времена. Именно так писали, а может быть, даже и жили на-

ши предки. Ненастная погода, вечер – и неожиданный стук в дверь, когда никого не ждешь. С этого все и начиналось.

Впрочем, именно с этого все и началось. Времена идут, но, в сущности, ничего не меняется.

Он постучался к ней в социальной сети. (Интересно, поймет ли читатель лет через двести, что это значит, так, как мы понимаем, что такое дверной молоток?) Рыжеволосая дама смотрела на монитор и размышляла, стоит ли принимать его в друзья. С фотографии смотрело довольно приятное юношеское лицо, ничем, впрочем, особенно не примечательное. Он писал, что у них есть общие знакомые и потому он дерзнул... да-да, именно «дерзнул»... Но она никогда не знакомилась по Интернету. Зачем? За свою уже, увы, довольно долгую жизнь она узнала множество людей и не испытывала потребности в новых. Да, он встречается с ее студенткой, Алиной... Много слышал о ней от своей девушки и хочет познакомиться... поговорить об искусстве... Алина так ценит ее мнение...

Эта Алина была одной из любимых ее студенток. Девушка целеустремленная и, несомненно, умная. Знакомство с ней могло служить хорошей рекомендацией, но... но меньше всего в этот момент рыжеволосая дама была в настроении говорить об искусстве, да еще с мальчиком двадцати лет. Она была занята работой – переводом и комментированием странного романа, приписываемого Кретьену де Труа. Хотя ей все же казалось, что это позднейшая романтическая под-

делка, впрочем, весьма искусная.

К тому же за несколько месяцев до этого она пережила глупое, но, по счастью, короткое, любовное увлечение, закончившееся, как всегда, разочарованием, и на днях уезжала с мужем в Прагу, чтобы развеяться. Так что времени на праздные разговоры у нее не было.

Рука ее замерла на клавише мышки... Но что-то (может быть, воспоминание о будущем или предчувствие прошлого) все же заставило ее кликнуть на слово «добавить».

2

Прошло несколько недель...

– Добрый вечер...

Ренар чуть наклонил голову, приветствуя даму. Единственный стул гордо стоял в центре комнаты, демонстрируя свою независимость и свободу, но на него пока никто не посягал. В комнате было тихо и почти уютно, но стульев явно не хватало... Луна, показавшая свой лик в просвете между облаками, заглянула в окно и, хитро прищурившись, начала наблюдать за двумя людьми.

– Добрый вечер, – еще раз повторил Ренар и ненавязчиво пододвинул стул стоящей рядом даме. – Нет ли у вас желания побеседовать со мной? Обсудить что-нибудь?

Он глубоко вздохнул и с надеждой взглянул ей в лицо.

– Здравствуйте, мсье Ренар, – ответила она сдержанно,

но не холодно. Голос ее прозвучал мягко и немного утомленно. – Простите, я только что с дороги...

Дама, казалось, колебалась, но это было лишь мгновение, после чего она с едва слышным шуршанием опустилась на предложенный Ренаром стул. Лунный свет красиво обрисовывал складки ее дорожного платья, но лицо оставалось в тени. Она немного помолчала, а потом добавила:

– Но мне вас не хватало...

По голосу Ренар понял, что она улыбнулась.

Свет проникал в комнату полосами и пятнами, создавая ощущение волшебства и тайны. Луна любит чужие секреты... Возможно, поэтому Ренар стоял в тени, прислонившись к стене.

– Мне вас тоже не хватало. Наверное, Прага прекрасна... Этот город кажется мне таким сонным... и волшебным. Правда, я там никогда не был и сужу только по книгам.

Ренар помолчал, как будто ожидая ответа, но потом неожиданно продолжил:

– Мне было бы интересно узнать, какой она показалась вам. Но вы наверняка устали. Вам нужно отдохнуть,.. мадам.

– Прага – сонный город? Я бы этого не сказала. Хотя, возможно, вы и правы, потому что в нем дремлет тайна... Это город рыцарей и Прекрасных дам, которых больше нигде нет... но их шаги звучат по булыжной мостовой, их платья шуршат в парках, доспехи позвякивают в переходах замков, а души растворены под сводами готических соборов.

Вам бы понравился этот город, мсье Ренар. Ведь вы романтик, не правда ли?

Ренар прикрыл глаза. То, о чем она говорила, предстало перед ним настолько ярко, что он действительно как будто слышал звон шпага в переулке и цокот копыт на улице, увидел булыжные мостовые и своды соборов и вдохнул аромат города.

– Я бы хотел там побывать. Погулять... Почувствовать этот дух времени...

А стул, как гордый замок, стоял посередине комнаты, обрамленный лунный светом. И серебристо-серое дорожное платье, как облако, нежно обволакивало его – все выше и выше, скрываясь совсем и уходя во тьму.

– У вас что, больше нет мебели? – неожиданно спросила дама. – Вы так и будете стоять... там?

– Есть, кровать например... – сказал Ренар и смущенно воззрился на другой угол, где помещалось это чудо человеческой мысли... Сверху, на чуть примятой подушке, лежала открытая книга: как видно, до прихода дамы Ренар коротал вечер в ее обществе.

– Что вы себе позволяете, мсье Ренар?! – воскликнула дама, задохнувшись от возмущения, и резко встала. Складки платья зашуршали осуждающе, а запах духов, которого Ренар раньше не чувствовал, стал как будто отчетливей и печальней.

В комнате повисла пауза, и луна испуганно спряталась

за облако. Дама застыла возле своего стула.

Не поняв, что он себе позволил и что вообще произошло, Ренар расстроено и чуть испуганно посмотрел на даму. Затем до него медленно стало доходить...

– О Боже! Я совсем это не имел в виду! Вы меня не так поняли, просто вы спросили, какая есть мебель, и я честно ответил. Поверьте, мои слова были просты и не имели под собой никакого смысла. Только ответ на ваш вопрос – и ничего более!

– Слова не имели никакого смысла? Как это мило, мсье Ренар...

Легкая ирония прозвучала в ее голосе.

– Мне кажется, вам следовало бы знать, что слова всегда имеют смысл, – прибавила она сурово. – А на мой вопрос вы не ответили. Вы так и будете стоять там?

Луна снова выглянула из-за облака, предательский луч упал на лицо дамы, и Ренар увидел, что, хотя лицо это было строго и неприступно, глаза ее смеялись.

Сначала он с удивлением воззрился на эти веселые огоньки, а потом улыбнулся в ответ.

– Ну... Я, конечно, могу походить по комнате... Но боюсь, что вам не очень понравится такое мельтешение. На кровати сидеть, как мы выяснили, неприлично, на полу – тем более. А на потолке неудобно... Вот и приходится стоять.

– Вы безнадежны, мсье Ренар... – вздохнула дама и, отойдя к окну, повернулась к собеседнику спиной.

Сделав пару шагов, Ренар встал рядом с ней и посмотрел на улицу. Куда-то вдаль по склонам холмов устремлялись поля и виноградники, а вокруг дома, отбрасывая причудливые тени, застыли в молчании деревья его маленького, но очень уютного и ухоженного сада. Прямо под окном рос старый раскидистый дуб: в жару так хорошо прятаться в его тени и читать! Воздух был свеж и напоен запахами цветов и влаги, совсем недалеко журчала вода в ручье, и все было так умиротворенно и спокойно, как будто существовало и будет существовать вечно. Духи его собеседницы, смешиваясь с чудесным ароматом вечера, вовсе не портили его, а, кажется, наоборот – дополняли и делали совершеннее и изящнее, как поэзия делает изящнее описываемый ею предмет. Да, это был прекрасный вечер...

– Пожалуй, мне лучше теперь уйти, мсье Ренар, – тихо сказала дама. – Но мы еще вернемся к нашему разговору... может быть.

– Конечно.

Ренар проводил даму до ворот, где ждал ее экипаж, и чуть наклонил голову, прощаясь. Затем, вернувшись в дом, снова подошел к окну и, опершись о подоконник, еще долго о чем-то думал. Облака рассеялись, и луна была видна вся – круглая, похожая на серебряный щит. Звёзды мерцали в высоком спокойном небе, а где-то далеко, над горами, стелился по воздуху золотистый след, оставленный пролетающим драконом.

Спустя полчаса Ренар отошел от окна и сделал несколько кругов по комнате, как это бывало с ним в минуты душевного волнения...

В комнате было так мало мебели, стоявшей, к тому же, так близко к углам, что казалось, будто центр ее — это маленькая площадь. Старый дубовый паркет хранил на себе память о тысячах шагов и точно так же, как встарь, издавал тихий скрип. Ренар подошел к одной из стен и провел рукой по висящим на ней щиту и мечу. К ножнам длинного прямого меча, обернутого тонкой кожей и исписанного непонятными символами, был приторочен лисий хвост. Щит, как видно, побывавший не в одном сражении, во множестве покрывали царапины и рубцы.

Вздохнув, молодой человек вернулся к брошенному на кровати ноуту, и перед ним в магическом свете монитора снова возникло ее лицо. Он заново прокрутил всю их беседу и попытался угадать, думает ли она о нем... и решил, что она уже спит.

Это было действительно так... Но перед тем как заснуть, дама подумала о том, что Ренар, с его старомодным рыцарством, до крайности милый мальчик. Несмотря на его наивную неловкость, ей хотелось говорить с ним. Вечер был прекрасен... и она немного жалела о том, что ушла и что Ренар не остановил ее. Но она знала, что завтра увидит его снова.

«Господин литератор! Я внимательно прочел первую главу Вашего романа и, признаюсь, весьма обескуражен. Меня смущают две вещи.

Во-первых, и это главное, вся сцена в доме господина Ренара, описанная Вами, совершенно неправдоподобна. Дама из высшего сословия никак не могла прийти без провожатого в дом к едва знакомому одинокому мужчине, во всяком случае, без очень веской на то причины, каковая Вами не указана. К тому же он не мог принимать ее в комнате, слушающей, по-видимому, спальни: это до крайности неприлично. Абсолютно непонятно также, почему комната не была освещена. Цель прихода дамы тоже неясна читателю: неужели она явилась к герою поздно вечером только затем, чтобы рассказать о своих дорожных впечатлениях?

Во-вторых, непонятно, что произошло между тем моментом, когда господин Ренар постучался в дверь дамы, и ее появлением у него. Как развивались их отношения после знакомства, и почему они завершились столь странным ее визитом к Вашему герою?

Хотелось бы, чтобы Вы исправили эти недостатки и впредь придерживались в своем повествовании определенной логики».

Литератор грустно вертел в руках письмо издателя... Как

и ожидалось, там была критика. Задумчиво пересмотрев написанные аккуратным круглящимся почерком строки, литератор был вынужден признать их правоту и мысленно пообещать себе не делать больше таких грубых ошибок. Ведь если он скажет издателю, что только записывает то, что ему приснилось много лет назад, это едва ли его успокоит, хотя картины и события, бывшие лишь в воображении, в сущности, мало чем отличаются от реальных: и от тех, и от других не сохраняется ничего, кроме смутных воспоминаний. Но можно ли заставить издателя поверить в мир, в котором у людей есть странные светящиеся экраны, подобно таинственной луне освещающие ночью комнату, и с помощью этих экранов люди могут разговаривать, находясь на расстоянии друг от друга... даже на разных берегах реки? И видеть улыбку, и почти чувствовать прикосновение...

Да, конечно... Он все исправит. На следующей странице романа все будет... Так и не подобрав слов для того, каким оно будет, но успокоенный этой мыслью, литератор взял перо и бумагу и начал писать.

4

– Добрый вечер! – сказал Ренар, подходя к даме, срезавшей с куста белую розу. – Какие прекрасные розы! Это ваши любимые цветы?

Ренар коснулся одного из цветков, так что капля росы,

не удержав равновесия на краю лепестка, соскользнула куда-то в траву; вдохнул влажный и свежий аромат сада и внимательно посмотрел на даму. И ему показалось, что, несмотря на свой возраст, она ослепительно хороша в этом простом сиреневом платье, с гипюровой косынкой на медно-рыжих волосах и с влажными розами в руках.

– Вы сегодня так прекрасны... Этот сад – ваших рук творенье? Говорят, сад отражает душу создавшего его человека, его представления о рае... Он великолепен! – сказал Ренар, и это отнюдь не было комплиментом.

Сад действительно был прекрасен. Кусты роз и жасмина, яркие цветочные клумбы, не слишком коротко подстриженный газон – прибежище цикад – все, казалось, пело и благоухало... Тенистые аллеи уводили куда-то в глубину, заставляя забыть обо всем, кроме красоты природы. А в центре сада, там, куда неуловимо вели все дорожки, лежал простой камень. Старый, вычищенный до блеска дождями гранит. Его углы давно затупили ветра, и он казался мягким, простым и величественным одновременно.

– Мсье Ренар... Вы меня напугали! – дама слегка покраснела и в странном замешательстве опустила глаза. Она обрадовалась его приходу и с удивлением почувствовала, что расстроилась бы, если бы он не появился. А ведь они почти незнакомы...

– Я люблю все цветы... – сказала она, помолчав и все еще не решаясь поднять глаза. – Больше всего – белые лилии,

какие ставят в храмах... Розы... розы тоже хороши. Может быть, чересчур хороши, и поэтому не живут долго.

– Простите. Я не хотел вас напугать... Калитка была не заперта. Честно говоря, я даже не был уверен в том, что это именно ваш сад. Он гораздо ближе ко мне, чем ваш дом.

Действительно, дом, в котором жила дама, был расположен довольно необычно. Стоял он, можно сказать, в центре города, и был обращен парадным фасадом на большую улицу, ведущую в сторону Ратушной площади. Однако большой и, главное, вытянутый в длину сад завершался задней калиткой, выводящей на дорогу, за которой уже начинались поля.

– Как, однако, стремительно темнеет... – задумчиво протянул Ренар, глядя куда-то вдаль, туда, где всеми красками полыхал закат. – Скоро станет совсем темно... А что вы предпочитаете: ясность солнца или тайну луны?

Он видел, что дама не то опечалена чем-то, не то озабочена, и ему хотелось отвлечь или успокоить ее.

Дама покачала головой.

– Луна обманывает, а солнце беспощадно. Это две стороны жизни: в ней только жестокость или ложь. Сперва – обман. Слова, которые завораживают душу. А потом... Потом – тоже слова. Которые убивают. Или равнодушное молчание, которое хуже слов. Впрочем, вы со мной не согласитесь, я знаю...

Она замолчала и прикусила губу.

Смеркалось, голос цикад становился всё упоительнее –

и сердце ее замерло. Хотелось верить, любить, жить... Но она хорошо помнила, сколько раз он предаст ее.

– Мы с вами встречаемся вечером... это время обмана.

– Время обмана? – удивленно переспросил Ренар. – Странно... Никогда не думал, что время влюбленных, самое романтическое время – это время обмана. И вы правы... я с вами не соглашусь. Вот уж такая у меня роль... – он печально усмехнулся и, проведя носком ботинка по песку, прочертил ровную линию. – Такая уж у меня роль – спорить с вами о добре. У меня свой взгляд на жизнь. Я вижу ее как дорогу. Дорогу вперед. У нас она своя, и нельзя пройти за других их дороги, как нельзя прожить чужие судьбы. И как бы ни была сложна дорога, сколько бы на ней ни было ям и поворотов, мы должны идти по ней... У меня про жизнь... вообще есть целая идея. Но все это не так важно... Главное – это просто помнить, что жизнь – это учитель, который учит жестко и немилосердно, не считаясь ни с чем: ни с ранами, ни с болью. Эти уроки нужно только понять – и сделать выводы. Иначе будут учить еще и еще. Каждый раз делая больно.

Дама отвернулась, чтобы скрыть смешок. Двадцатилетний юнец, который пытается спорить о жизни с ней, годящейся ему в матери. Юнец, у которого есть «целая идея» про жизнь... «Невыносимо смешно!» – подумала она. Но вынуждена была тут же мысленно добавить: «Смешно... Но ужасно мило».

– Давайте не будем спорить, мсье Ренар... Вы судите

о жизни по книгам. Но это верно только наполовину. Ваши идеи – всего лишь расхожие мысли, которые еще никому не помогли.

Дама резко повернулась спиной к собеседнику и быстро пошла по дорожке в дом. На пороге она остановилась и обернулась.

– Ну... Что же вы стоите? – спросила она неожиданно мягко.

Ренар быстро приблизился к ней и, посмотрев ей в лицо, грустно произнес:

– Вы не правы. Я сужу не только по книгам. Я знаю, что такое предательство. Знаю, что такое боль. Знаю, что такое насмешка от когда-то любимого человека. Знаю многое, что знать еще рано... Просто я сделал другие выводы, чем вы. Есть разные люди: кто-то сдается, а кто-то готов сражаться до конца, пережить боль и, поверив, что дальше будет свет, снова обнажить меч и ринуться в бой. Искать смысл и бороться. Ведь если бороться и искать – то обязательно получишь награду! И храбрец, решивший сражаться до последнего за надежду, обретет свет, а трусливые не допустят того, чтобы огонь разжег их сердце. Надо просто идти вперед своей дорогой – и верить. У меня есть стихи о вере...

Ренар взмахнул рукой и с горячностью продекламировал несколько строк.

Больше всего дама не любила плохих стихов, поэтому поспешила сказать:

– Стихи... это прекрасно. Но это только слова. Боже мой, зачем я говорю с вами об этом? Дети так любят произносить глубокомысленные банальности о жизни...

Она открыла дверь и переступила порог. Теперь они стояли, разделенные им. Ей мучительно хотелось прикоснуться к его руке и сказать этому милому юноше, смотрящему на нее такими ясными глазами, что она ему верит... Она даже сделала невольное движение рукой, но тут же отвела ее назад.

– Прощайте, мсье Ренар.

– Никогда не говорите «прощайте», – произнес он, покачивая головой. – Говорите «до свидания». Прощание – это слишком долго... А стихи... стихи – это не слова. Стихи – это выражение чувств, главное, чтобы они были искренними... И я не ребенок. До встречи.

Она молча и отстраненно протянула ему руку для поцелуя. Было тихо, только платье ее едва слышно зашуршало от этого жеста.

Ренар старомодно преклонил колено и осторожно прикоснулся губами к шелковистой ткани перчатки.

Потом он повернулся и не спеша пошел через сад к задней калитке. До чего же прекрасны были этот сад и этот вечер – один из немногих ясных и теплых в это ненастное лето... Ренар медленно брел среди кустов и с наслаждением вытягивал ноздрями воздух, дрожа от кончиков ушей до кончика хвоста.

«Господин литератор! Я прочел то, что Вы мне прислали. Это звучит несколько лучше и правдоподобнее, однако поведение Ваших героев по-прежнему вызывает вопросы. С какой целью Ваш господин Ренар оказался в чужом саду, и почему сей престранный факт не вызвал у хозяйки сада ни удивления, ни возмущения? Отчего во время описанной Вами встречи герои беседуют об отвлеченных материях, внося в эту беседу столько личного? Это ни в коей мере не обусловлено событиями, которых пока что и вовсе нет.

Кроме того, не совсем понятно, в какую историческую эпоху происходит действие. Поскольку это никак не оговаривается, разумно предполагать, что все описываемые Вами события имеют место в наши дни, однако отдельные детали противоречат этому ощущению. Например, щит и меч на стене у героя воспринимаются не как музейный экспонат, а, как бы это поточнее выразиться, действующими, что наводит на мысль об отдаленных временах рыцарства. (Я уже не говорю о «пролетающем драконе», которого Вы изволили мельком упомянуть.) А появление в ходе повествования каких-то непонятных вещей вроде «ноута» и «монитора» (вам следовало бы объяснить читателю, что это такое) наводит на мысль о том, что Вы сочиняете фантастический роман в манере господина Жюль Верна.

Вам следует как-то с этим определиться.

Желаю творческих успехов.

P.S. Да, и, простите, я вовсе не могу уразуметь последней фразы: о каком хвосте Вы изволите говорить?»

Письмо издателя, как всегда, выбило литератора из колеи. Он был уже не молод (ему было немного за пятьдесят), но не умел объяснять такие очевидные вещи, как то, что век – это просто условность, что разговоры и поступки людей, как правило, не мотивированны и случайны и что у лис бывают хвосты.

Глава вторая

1

Дождь уныло стучал по подоконнику. В будуаре, несмотря на светлую ткань обоев и изящество его убранства, было серо и неуютно. Это лето было похоже на длинную, теплую, мокрую осень.

Нужно было бы приказать зажечь свечи или затопить камин... Но рыжеволосой даме не хотелось никого видеть.

Она подошла к окну. Белые розы, срезанные накануне, тихо увядали на подоконнике. Заплаканный сад, казалось, не сохранил никаких воспоминаний о вчерашнем ясном вечере, только следы у задних дверей, наполненные водой, еще говорили о том, кто был здесь еще недавно.

Она подошла к бюро, взяла лист бумаги, присела... но тут же отложила бумагу в сторону, подперла голову рукой и глубоко задумалась.

В комнату, мягко ступая, вошла рыжая кошка и потерлась о ее ноги. Дама запустила руку поглубже в шерсть, чтобы почувствовать тепло кошачьего тела, потом подхватила кошку на руки, отошла вглубь комнаты и прилегла на кушетку. Подальше от окна, от плачущего сада, от листа бумаги, от искушения взять в руки перо...

Ренар сидел на скамейке под деревом, закутавшись в свой черный плащ средневекового покроя, который, вкупе с мягкой фетровой шляпой, должен был выражать неординарность его натуры и приверженность романтическим идеалам. Дереву каким-то чудом удавалась сохранять скамейку сухой и чистой в эту погоду, его густая крона почти не пропускала дождевых капель. Ренар глубоко вздохнул и, оторвавшись от созерцания кругов на лужах, подумал: «Интересно, когда наступит лето? Или оно уже было – вчера?»

Вчера... да, вчера. В саду было тихо – только ветви деревьев шептали что-то неразборчивое, да по песчаным дорожкам слышен был мерный шаг дождя.

Внезапно Ренар тряхнул головой, словно отгоняя наваждение. Такое прекрасное и нежное наваждение: на доли секунды ему показалось, что по дорожке идет дама. Ее легкий шаг и шум ее платья, скрип песка и шуршание шелковых складок – все это завораживало, и Ренар уже был готов подняться и пойти ей навстречу, как вдруг понял, что это просто сон....

В это время с дерева упал листок – прямо на вычищенный ботинок. Ренар нехотя дернул ногой, стряхивая полусонное состояние, и понял, что должен немедленно к ней пойти. Эта мысль настолько увлекла молодого человека, что он тут же,

не откладывая ни на секунду, встал со скамейки – и сел обратно. «А если я приду не вовремя? А если я помешаю ей, и она будет чувствовать себя неловко в моем присутствии?..» Ренар заметно огорчился и, побарабанив пальцами по скамейке, принял другое решение.

Вернувшись в свой дом, он поспешно подошел к конторке, взял перо, порывисто обмакнул его в чернила... и понял, что абсолютно не знает, что писать. Пока он шел, он совершенно не думал об этом. И сейчас, в нерешительности крутя перо, он пытался понять, что же должен сказать. Так и не сделав выбора, он просто начал водить пером по бумаге...

«Добрый день!

Не знаю, что вы делаете сейчас в тиши своего дома: сидите у камина или смотрите в окно, снедают ли вас думы или вы беззаботно гладите кошку... А я стою у окна и пишу вам это письмо. Надеюсь, вы улыбаетесь, читая эти строки, и не сердитесь на мою дерзость. Сегодня в саду мне привиделся ваш образ, и я понял, как мне не хватает вашего общества, но погода не оставляет мне надежды на то, что вы выйдете на улицу, где я смогу как будто бы случайно встретиться с вами, чтобы поговорить или просто пройтись по дорожкам сада, между старых тенистых деревьев. Но я заклинаю вас не предаваться грустным думам. Как свеча отгоняет тьму, так и вы отгоните их и подумайте о чем-нибудь светлом. Прошлое уже миновало, а будущее от нас сокрыто. Важно лишь настоящее... и в нем

всегда есть место радости. Наверное, вы снова скажете, что я наивен... А я буду спорить... или соглашусь... Но так хочется говорить с вами, яростно не соглашаясь, или слушать вас, признавая вашу правоту... или спрашивать совета... Надеюсь, скоро погода позволит вам выйти на улицу или в сад, и мы сможем встретиться...

С глубоким уважением. Ренар».

Молодой человек поставил точку и, не перечитывая своего творения, положил его в конверт. Задержавшись на несколько секунд у себя в саду, чтобы срезать белую лилию, он быстрым, но легким шагом прошел через улицы и, подойдя к высоким парадным воротам знакомого дома, кликнул слугу, на его счастье, без дела стоявшего на крыльце. Он вручил ему письмо и цветок, сопровождаемые звонкой монетой, и приказал незамедлительно передать их лично госпоже. И, вытащив еще одну монету, попросил не судачить об этом и никому не рассказывать.

3

«Господин литератор! Я, конечно, преисполнен уважения к вашему возрасту, имени и всеми признанному таланту, но у меня возникло странное подозрение, будто дама и мсье Ренар – главные герои Вашего романа и между ними возникнут, как бы это выразиться, романтические отношения. Осмелюсь заметить, что это абсолютно неправдоподобно,

поскольку Ваша дама, как я понял, уже весьма элегантно-го возраста и намного старше героя. Сперва я, признаться, решил, что она является служебным персонажем и что в дальнейшем Вы намерены сосредоточиться на взаимоотношениях героя с молодой особой по имени Алина, о которой, насколько я помню, Вы упоминали в самом начале. Но Вы упорно занимаете внимание читателя странными отношениями этих двух героев. Признаться, я искренне огорчен. Как я смогу взять на себя ответственность за издание подобного произведения?

С глубоким уважением...»

Да, действительно, литератору, наверное, стоило бы рассказать читателям об Алине – особе юной и рассудительной, а также и о самом господине Ренаре... Возможно, это как-то прояснило бы странности его поведения, да и всего романа.

Этот господин Ренар был еще весьма молодым человеком, слегка помешанным на рыцарстве – в той форме, в какой его представляли романтическая поэзия и романы Вальтера Скотта.

Главными ценностями в его жизни были законы чести и служение даме. Образцом рыцарства он, естественно, считал себя, хотя окружающая его действительность не предоставляла ему возможности проявить свои достоинства во всем блеске. Он верил в благородство, крепкую дружбу и вечную любовь. Да, естественно, у него была «целая идея» и на этот счет. Он считал, что любовь бывает одна-

жды – и на всю жизнь. Теория, не блещущая оригинальностью. Но, в отличие от господ романтиков, он предпочитал, чтобы это святое чувство приносило одно только счастье, и избегал трагических противоречий.

Парадокс заключался в том, что, с одной стороны, Ренар был преисполнен романтизма, который находил выражение даже в его внешнем облике (на людях он, как правило, щеголял в модном фраке и черном галстуке, свободно завязанном, носил плащ с бархатным воротником и мягкую фетровую шляпу а ля Рубенс, а дома надевал, как божественный Мюссе, просторные кашемировые штаны); а с другой – мечтал о вполне добропорядочной карьере на поприще юриспруденции, каковую исправно осваивал, и не склонен был выходить в своей жизни за рамки общепринятого.

На момент начала нашего повествования он был всецело поглощен нежными чувствами к Алине, племяннице рыжеволосой дамы, и, естественно, собирался на ней жениться. Он планировал сделать предложение и обручиться с ней осенью, и она, казалось, относилась к этому вполне благосклонно.

Алина, впрочем, не была первой его возлюбленной. «А как же тогда теория вечной любви?» – спросите вы. Ну, не его вина была в том, что его первая дама жестоко посмеялась над ним, предав их чувство... Видимо, оно не было истинным. Но, как нельзя кстати, он вскоре встретил Алину, которая, утратив его уязвленную душу, заставила молодого

го человека снова поверить в любовь.

Правда, в последнее время она была с ним как будто прохладнее, чем раньше. Не испытывала восторга от его желания тайно встречаться с ней каждый день и не всегда отвечала на все десять писем, посланных им ей в течение суток. В середине лета Алина уехала к дальним родственникам в столицу... и вот тогда-то Ренар и сблизился с дамой.

Но как ему пришла в голову сама идея познакомиться с ней поближе? Ведь между ними, казалось бы, должно было быть не слишком много общего?

Дело в том, что Алина, находившаяся под некоторым влиянием своей тётушки, однажды показала Ренару её записки о любви – труд более личный, чем литературный, написанный ею для юной племянницы в воспитательных целях. Записки ему понравились, но он был совершенно не согласен с некоторыми прозвучавшими там мыслями. Ренару показалось, что почтенная особа недооценивает это великое чувство, и ему захотелось убедить ее в том, что она права. Кроме того, более близкое знакомство с родственниками его будущей невесты казалось ему вполне уместным.

Их первая встреча произошла в доме родителей Алины, где его охотно принимали. Разговора на тему о сущности любви, правда, не получилось, но зато он рассказал ей о том, как горячо любит прекрасную Алину, а также поэзию и романы сэра Вальтера Скотта.... И даже прочел ей несколько своих стихотворений, от которых она, впрочем, вопреки его

ожиданиям, в восторг не пришла. Но всё же в результате он получил возможность изредка встречаться с ней, и постепенно они начали находить предметы для разговора: города, путешествия, далекие страны, рыцарские времена...

Когда она уехала с мужем в Прагу, он скучал... Ну, а дальше читатель уже знает.

Если это что-то прояснит в его романе, литератор будет весьма рад.

4

Увидев письмо в руках у слуги, дама поднялась с дивана столь поспешно, что кошка, возмущенно мяукнув, кубарем скатилась с ее колен. Едва только за слугой затворилась дверь, она взглянула на печать — и на лице ее отразилась такая сложная гамма чувств, что мы не беремся ее описывать. Вероятно, она ждала письма от кого-то другого. Надежда сменилась минутным разочарованием, но затем уступила место нежности и непонятному ей самой волнению. Она вдохнула запах лилии... Ей безумно нравился этот запах: он пьянил ее, он был одновременно и чувственным, и божественным, потому что напоминал о статуях Мадонны в соборе... Еще не читая письма, она поставила цветок в вазу и отнесла в спальню.

После этого она развернула письмо, быстро пробежала его глазами... и еще раз... Улыбнулась... Потом подошла к бюро

и, особо не размышляя, написала ответ:

«Не буду отрицать, ваше письмо меня очень тронуло, мсье Ренар. И хоть вы опять не можете удержаться от поучений (что смешно и дерзко, ибо я старше и опытнее вас), я готова принять вас у себя сегодня вечером, но не слишком поздно. Возможно, я совершаю ошибку, поскольку супруг мой в отъезде, и это не совсем прилично, но мне сейчас очень нужен друг».

Она запечатала письмо своим кольцом и позвонила в колокольчик...

5

Ренар, не торопясь, шел домой, когда его догнал тот же слуга, которому он отдал свое послание, и протянул узкий белоснежный конверт. Краем глаза заметив печать дамы, юноша вытащил из плаща еще одну монету и подбросил ее в воздух. Слуга поймал ее на лету и побежал обратно, а Ренар уже аккуратно вскрывал письмо. Оно пахло ее духами... Быстро пробежав глазами по строчкам и улыбнувшись, он достал из жилетного кармана часы.

— Без пятнадцати семь... — задумчиво пробормотал он и, решив, что уже можно, нарочито медленно пошел в сторону ее дома.

Между тем дождю, кажется, надоело мелко и бесконечно моросить над городом, и с неба, ставшего почти черным,

внезапно хлынули струи, перерастающие в потоки воды, которые мгновенно смыли с улиц людей и сделали абсолютно бесполезными зонтики, плащи и прочие человеческие ухищрения. Мостовые тут же превратились в реки...

Молодой человек поплотнее закутался в плащ, пытаясь хоть немного ослабить удары обрушившейся на него стихии, и наступил в лужу. Лужа была большая и мокрая... Намного больше, чем ботинок Ренара. Вероятно, поэтому ему очень захотелось немедленно оказаться где-нибудь в сухом месте... Подпрыгивая на одной ноге и пытаясь вытряхнуть из ботинка воду, не снимая его, он наступил вторым, еще сухим ботинком в другую лужу. К счастью, эта была не столь глубока...

Взглянув вперед, Ренар судорожно сглотнул. Дальше перед ним расстилалась сплошная водная гладь. Не привыкший отступать перед врагом, он сделал пару шагов в сторону. Стратегия – вещь хорошая, всегда можно что-нибудь придумать. Вот, например, сейчас можно попробовать пройти по поребрику, отделяющему тротуарную область водной преграды от части, находящейся на мостовой. Окрыленный этой мыслью, неустрашимый рыцарь подошел к каменному бордюру и, прочтя молитву, отважно ступил на него. Поребрик был узкий, но это была не самая главная его проблема. Проблема заключалась в том, что он был очень скользкий, и Ренар, опасно балансируя при каждом шаге, мысленно прощался с сухостью своей одежды... Сухостью, впрочем, весь-

ма относительной, если учитывать интенсивность льющих сверху потоков. Наконец переправа была закончена, и Ренар, гордо оглянувшись, с невозмутимым видом джентльмена подошел к дому прекрасной дамы.

6

– Мадам, – слегка озадаченно сказал старый слуга, входя в гостиную, где жарко пылал камин и горели свечи. – К вам какой-то господин... Он говорит, что вы его ждете, однако...

– Однако что?

– Однако это очень мокрый господин...

– Пусть войдет, – невозмутимо ответила дама.

– Вас ждут! – громко провозгласил слуга и принял насквозь мокрые плащ и шляпу. Ренар отряхнул капли с панталон и вошел в гостиную.

В глубине комнаты он увидел даму, и ему даже показалось, что на секунду он забыл, как сильно промок...

– Добрый вечер, мадам... – произнес он и, чихнув, изящно поклонился.

– Добрый вечер, мсье Ренар, – еле сдерживая улыбку, ответила дама.

Молодой человек выглядел удивительно забавно, и она надеялась, что небольшой душ излечил его на время от любви к отвлеченным беседам, но не могла не посочувствовать несчастному.

– Боже, вы действительно совсем промокли... В такую погоду разумнее было бы сидеть дома, а не ходить по улицам. И что теперь прикажете с вами делать?

Она обратилась к слуге:

– Послушайте, Шарль, этого господина, коль скоро он пришел, необходимо прежде всего высушить. Повесьте его плащ где-нибудь возле огня... Принесите горячего вина и... и... мой паркет... я не хочу, чтобы он испортился... Тут уже образовалась лужа.

Затем она снова повернулась к Ренару:

– Садитесь к огню и грейтесь. И выпейте вина – это пойдет вам на пользу.

Ренар с удовольствием опустился в мягкое кресло и посмотрел на сидящую напротив даму.

– Прошу простить меня за испорченный паркет, но у меня было письмо от вас с приглашением и... ко мне домой по улицам еще дальше добираться. Без приглашения я бы не рискнул появляться в таком виде! Но я побоялся обидеть хозяйку этого дома.

Тут Ренар почувствовал, что что-то не так с его ногой, и испуганно взглянул вниз. Оказалась, что это всего лишь кошка, которая, потершись о панталоны гостя, тут же запрыгнула к нему на колени.

– Какая у вас замечательная кошка...

– Вы удивительно любезны, мсье Ренар, – с иронией сказала дама. – Вы хотите сказать, что пришли ко мне в таком

виде потому, что сюда вам было идти ближе, чем домой?

— О нет, конечно же, нет! — горячо воскликнул юноша, краснея.

— Я просто слишком вымок, — насмешливо оглядев свои мокрые панталоны, продолжил он через секунду, — вот и говорю как-то странно... Конечно, я пришел не из-за этого. Даже если бы дорога была в несколько раз длиннее и на улице был бы ураган, я бы все равно пришел. Ведь вы пригласили меня.

Между тем кошка, поелозив на его коленях, устроилась поудобнее и, свернувшись в клубок, задремала.

— Пригласила? Скорее разрешила вам прийти. Впрочем, как вам будет угодно, мсье Ренар: юношам свойственно преувеличивать. Спасибо, Шарль... Ваше вино, мсье Ренар. Осторожно, не обожгите Русс.

— Какое красивое имя для кошки.

Ренар осторожно принял вино и отпил немного. С удовольствием качнув головой, он продолжил:

— Мадам, разрешите вопрос? Помните, я читал вам свое стихотворение... о вере? Что вы о нем скажете?

— Это не имя, а цвет, — улыбнулась дама. — А вы уверены, что хотите знать мое мнение? Если бы я хотела похвалить вас, я бы это уже сделала. Простите, мсье Ренар, но для меня мысли вне формы не существует... Дело даже не в том, что вы не очень дружите с рифмой и ритмом... В вашем тексте нет подлинной художественности: ваши образы по боль-

шей части случайны и никак не связаны друг с другом. И потом... вы чересчур дидактичны, а поэзии это противопоказано. От ваших стихов веет классицизмом на излете его развития. Я очень хотела промолчать, но вы сами спросили... Простите. Пейте, я не хочу, чтобы вы простудились.

– Спасибо. Это одно из самых старых стихотворений... Просто мне показалась, что оно подойдет к разговору. Зато теперь понятно ваше молчание. И знаете, что удивительно: я в первый раз смирился с критикой... Я даже стихотворение про критиков написал. Но чувствую, что лучше не читать.

Ренар грустно улыбнулся и отпил из бокала, затем погладил кошку, пока не раздалось ее тихое мурчание. Снаружи по-прежнему не утихал дождь, и было слышно, как он выстукивает свою мелодию на подоконнике и на крыше, а у камина было тепло, и вино сладко согревало изнутри.

– Подлинную поэзию чаще всего рождает боль, – сказала дама. – Вы согрелись? Хотите еще вина? А дождь, похоже, не кончится никогда...

– Да, кажется, это надолго...

Ренар сделал последний глоток. Вино было чуть сладковатым, но терпким и необыкновенно ароматным. Незвестный винодел смог передать в нем прохладу дождей и тепло солнца, череду долгих летних дней и песню девушки с виноградника... Это был восхитительный букет...

– Спасибо, вино просто волшебное, и его невозможно пить быстро, но от еще одного бокала я бы не отказался.

А поэзия... поэзию рождает не только боль. Ее рождают разные чувства, но только настоящие и самые сильные...

Ренар задумался и замолчал, лицо его приняло мягкое и нежное выражение, и он с надеждой спросил:

– Вы согласны со мною?

– Конечно, – ответила дама, – конечно. Но сильные чувства как раз и приносят боль. А если и есть мгновения радости и безоблачного счастья, то в такие минуты человеку, видимо, не до поэзии. Он просто живет.

Она позвонила и попросила принести еще вина. Потом с материнской нежностью посмотрела на Ренара и сказала:

– Кстати, я еще не поблагодарила вас за цветы... Они будут стоять долго.

Она помолчала и прибавила как-то странно:

– В отличие от роз, которые ранят и увядают.

Слуга принес бокал. Дама взяла его в руки и сама протянула Ренару.

– Надеюсь, вы не опьянеете, – улыбнулась она мягко. – Я распоряжусь насчет ужина. Похоже, что вам придется у меня задержаться, пока не закончится дождь...

Ренар тяжело вздохнул и прислушался. Дождь все так же играл свою песню... Она была прекрасна, но промокший молодой человек больше думал о домашнем тепле. Взяв бокал из рук дамы, он поблагодарил ее и заверил, что не опьянеет.

Отпив глоток и снова почувствовав этот удивительный вкус, Ренар произнес:

– Говорят, что если цветы подарены от всей души, они стоят очень долго. Бывает, что и розы не вянут неделями...

Дама молчала, глядя в окно. Ренар тоже посмотрел туда и увидел двор, ворота... А за ними – мостовую и площадь. Вдалеке виднелась ратушная башня с часами, но главным ему показалось другое. Он увидел, как медленно ползут по стеклу дождевые струи, создавая неповторимый узор, такой простой и прекрасный. Казалось, будто в каждой капле воды был заключен свой особенный мир. По стенке его бокала тоже стекала капля – капля красного вина, но она была совсем другой. В ней было пьянящее тепло... а в дождинках – холодная чистота. Но все они, текучие и изменчивые, скатывались куда-то, неизбежно теряя свои очертания, сливаясь друг с другом или пропадая в неизвестности... «Как сложен мир», – подумал Ренар. (Что, естественно, показалось ему оригинальной мыслью.)

– Что же вы молчите, мсье? – лукаво проговорила дама. – Вы стали пленником дождя и моим... И вам придется поддерживать беседу.

Она внезапно стала серьезной и посмотрела ему прямо в глаза, словно пытаясь проникнуть в душу.

– Вы не любите трагической поэзии... Значит ли это, что вы поверхностны? Или боитесь боли? Что же вы любите?

– Боюсь? – повторил Ренар, задумавшись над этой мыслью. И, как будто отвергая ее, мотнул головой: – Едва ли. Я просто думаю: зачем читать о том, чего и так достаточно

в жизни, и грустить лишний раз? Не надо думать о плохом – и тогда это не сбудется... Лучше, если и читать, то что-нибудь полезное... философское, например. Или легкое, чтобы просто отдохнуть.

– Зачем грустить лишний раз? Но ведь трагедия несет в себе высокое просветление, а слезы очищают душу. Прекрасное – всегда печально, хотя бы потому, что напоминает о том, насколько преходяще все в жизни... и сама жизнь. Сильные чувства несовместимы с чувством самосохранения. Месье Ренар, вы просто пытаетесь спрятаться от правды...

Дама внезапно замолчала, словно устыдившись своей горячности. «Что это я, право? – подумала она. – В конце концов, какое мне дело до его литературных пристрастий?»

Она посмотрела на его открытое молодое лицо, слегка покрасневшее от вина и каминного тепла, и грустно улыбнулась одними глазами.

«Что привело его ко мне? – подумала она. – Зачем он пришел?» И, вздохнув, произнесла:

– Давайте лучше вести светскую беседу.

– Прятаться? О нет... Вы меня не так поняли. Я не прячусь. Я знаю и эту сторону жизни, я достаточно трезв, чтобы замечать не только светлые тона. Но зачем же сосредотачиваться на том, что темно и мрачно? Нужно видеть все цвета жизни.

Ренару казалось, что его неправильно понимают: его веру в добро, видимо, сочли наивным оптимизмом.

– Я не буду спорить с вами, мой мальчик. Тем более что вы... не совсем верно понимаете меня. Жизнь страшна и прекрасна. И настоящее искусство говорит об этом. А легкое чтение – это всего лишь забава.

Дама взглянула в окно.

– А дождик, кажется, кончается, – сказала она с надеждой.

– Да, это забава. Которая помогает на секунду отвлечься... и забыть. Не найти утешение, а ненадолго перестать думать о том, что тебя мучит, – сказал Ренар, и в глазах его на мгновение промелькнула какая-то тень. – Боль можно пережить, но забыть о ней трудно. Книги помогают сделать это – на время... Жизнь продолжается, нужно извлекать уроки и идти дальше... но лучше – с улыбкой.

– Каждый утешается, как может, мсье Ренар. Я не стану вас ни в чем убеждать.

За окнами стемнело. Дождь действительно заметно поредел и ослаб. Вошел слуга и доложил о том, что ужин готов.

– Давайте ужинать, – сказала дама и неприметно взглянула на часы.

Ренар мысленно хлопнул себя по лбу: он совершенно забыл о времени. А ведь наверняка было уже поздно, и ему пора уходить... Но ужин... От предложения покушать он еще никогда не отказывался.

Молодой человек сделал еще один глоток вина и, аккуратно сняв с колен кошку, встал с кресла. Сделав шаг, он протянул руку даме, чтобы помочь ей встать.

– Разрешите еще один вопрос, мадам? – Ренар чуть помедлил, как будто оживляя в памяти что-то очень старое и старательное забытое, и продолжил, но чуть глуше и отрывистее: – Как вы считаете, предательство можно простить? Даже когда миновало много времени... и уже все вроде бы наладилось, можно ли простить?

Ренар почувствовал, как рука дамы дрогнула в его руке.

– Мсье Ренар... Вы сами только что сказали: боль можно пережить, но трудно о ней забыть. Так и предательство: можно пережить, но забыть нельзя. А простить... Если любишь – прощаешь все, даже в том случае, когда человек, причинивший боль или предавший тебя, не просит об этом. Потому что любовь не знает условий. Если только, пережив предательство, вы сумели сохранить любовь... Но это не зависит от нас. Мы не можем рассуждать, простить кого-то или нет... любить или нет. Сердце делает это, а не разум.

Дама встала и серьезно и близко посмотрела в глаза Ренару.

– Всегда слушайте свое сердце...

Молодой человек ответил на ее взгляд, и ему что-то показалась, о чем он потом не хотел говорить и вспоминать; то, из-за чего он тихо прошептал:

– Простите...

Он улыбнулся и замолчал, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя или ожидая ответа дамы. Улыбка получилась нежной и немного грустной. Рядом с ними по-прежнему

му полыхал и трещал камин, пожирая дрова, а за окном стучал дождь...

Не дождавшись ответа, Ренар вдруг неожиданно заметил:

– Скоро, наверное, выйдет луна... ночное солнце...

– Вы сумасшедший, мсье Ренар... Идет дождь... луны сегодня не будет. И... за что я должна вас простить? Вы пока еще не причинили мне боли.

Он все еще держал ее за руку и молчал.

– Уже поздно, – наконец сказала она. – Пойдемте ужинать. Я думаю, молодому мужчине нужнее ужин, чем отвлеченная беседа... Я не права? – она лукаво улыбнулась.

– Благодарю, «ужин» – это одно из самых чудесных слов в это время суток.

Как ни старайся всегда оставаться романтиком, а дама была права. Ужин действительно был необходим.

Аккуратно передвинувшись и не отпуская ее руки, он встал рядом, чтобы можно было сопровождать ее в залу. И, напоследок взглянув в окно гостиной, заметил:

– Думаете, луна сегодня не покажется? Как жаль... Значит, с еще большей охотой я буду ждать солнца...

7

За ужином Ренар больше ел, чем говорил. Дама тоже молчала, но была занята не столько трапезой, сколько наблюдениями за молодым человеком, а он был слишком увлечен,

чтобы замечать, как пристально его разглядывают... О чем думала дама, мы умолчим. Скажем только, что мысли ее были легки и приятны, и она даже на время забыла о трагической сущности бытия. Молчание прерывалось лишь незначительными репликами, касающимися еды, да мерным шуршанием маятника.

А ужин был прекрасен. Ренар был восхищен умением повара и отдал должное всем его творениям. Наконец, трапеза стала подходить к завершению, слуга убрал основные блюда и выставил фрукты и десерт.

Ренар посмотрел на даму: она, казалось, была поглощена своими мыслями и смотрела куда-то вдаль, чему-то улыбаясь. Её улыбка была такая приятная и тихая, такая спокойная и умиротворенная... Это была одна из тех улыбок, что запоминаются на всю жизнь, и при воспоминании о них у увидевшего становится тепло на сердце.

Ренар долго молча смотрел на нее, пока не услышал снова тихое шуршание маятника и мерный, какой-то особенный звук каминных часов. Он прислушался к нему, к четкому ритму и сухому, легкому стуку... и подумал о том, как безжалостно разводит людей время. Подумал о том, что люди, созданные друг для друга, часто рождаются, разделенные десятилетиями... или даже веками.

Ренар очень хотел развлечь даму, рассказать ей что-нибудь доброе или веселое, спросить совета или просто поговорить. Но он не решался потревожить ее, ее волшебную улыбку.

ку... и потому молча занялся десертом.

Однако десерт был не бесконечен, время шло, а часы в очередной раз напомнили о том, что уже поздно. Ренар медленно перевел взгляд с циферблата на окно... и чуть вздрогнул. «Интересно, как там мой плащ?» – промелькнула мысль почти риторическим вопросом... Но как бы то ни было, а нужно было и честь знать.

Дама проводила его до дверей.

Иногда бывает достаточно мига, чтобы охватить взглядом большие пространства... Ренару хватило секунды, чтобы заметить небольшой бурлящий ручеек у самых ворот. Он шел от крыльца и уходил куда-то в сторону площади. Если быть честным, туда уходила тысяча ручейков, и, вероятно, конечным пунктом их устремлений должна была быть огромная лужа, впрочем, за дальностью расстояния, не видимая для Ренара. Один из ручейков нес на своих волнах какую-то бумажку. Ренар не мог ее рассмотреть, просто белый лоскуток мелькал вдали... Но ему показалось, что это по огромной бурлящей реке, полной водоворотов и течений, несется в открытое море белоснежный парусник... Команда изо всех сил борется со стихией, бесстрашный капитан сам стоит у руля и что-то кричит боцману, матросы пытаются удержать просоленный в морях канат, полощется на ветру парус. Но даже сейчас, в эту тревожную минуту, корабль был прекрасен, и каждый матрос спокоен и отважен, как и его капитан.

Молодой человек шагнул в дверной проем и чихнул. Его

плащ, уже высохший и теплый, вдруг показался ему насквозь мокрым...

Дама тяжело вздохнула.

– Что же мне с вами делать?

Ренар понял, в какую неловкую ситуацию он поставил гостеприимную хозяйку... Задумчиво покосившись на ручеек у ворот, он глубокомысленно вздохнул, хотя это более напоминало грустный стон. Молодому человеку показалось, что он еще ощущает тепло камина и помнит уютное кресло рядом с ним... Он отчетливо понимал, что пауза затягивается, но также понимал и то, что решать должна дама. И, кроме того, ему казалось, что он что-то еще не спросил, на что-то еще не ответил...

– Уже поздно... – проговорила дама.

Она посмотрела во двор, на ручейки, потом на Ренара.

– Я не должна этого делать, но... оставайтесь.

Слуга с канделябром в руке тут же закрыл дверь и еле заметно зевнул. Ренар почтительно поклонился.

– Я надеюсь, что я не сильно вас стесняю...

– Стесняете, мсье Ренар... – дама на миг опустила глаза. –

Но что же мне остается делать?

Лицо ее было в тени, и она позволила себе взглянуть на Ренара долгим и ласковым взглядом, надеясь, что он его не заметит.

Тени в передней играли в какую-то загадочную игру. То они резвились и плясали в обнимку с пятнами света, то ути-

хали на миг, чтобы затем с новой силой начать свой безумный танец, то заполняли собой всю переднюю. Ренар залюбовался дамой: это освещение придавало особую загадочность и таинственность ее лицу, а глаза блестели отраженным пламенем свечей... Вдруг особо шаловливая тень почти полностью укрыла ее от Ренара, и в этот момент она наклонила голову. Лицо ее он видел неотчетливо, но молодому человеку показалось, что дама улыбается ему нежно и ласково. Ренару стало как-то необыкновенно тепло и радостно, так радостно, что он тоже улыбнулся в ответ. Но другая тень, играя, скрыла его лицо, и он не знал, заметила ли это дама...

– Шарль... – обратилась она к слуге. – Постелите господину Ренару в библиотеке. Спокойной ночи, мсье.

Ренар еще раз поклонился и поблагодарил хозяйку за предоставленный приют. Он, правда, немного огорчился, что она не пожелала продолжить беседу. Но она наверняка устала... «Возможно, утром мы еще сможем поговорить», – решил Ренар по пути в библиотеку.

Проведя молодого человека по темному коридору, его спутник открыл дубовую дверь, и они вошли в какую-то залу. Слуга зажег несколько свечей, расставленных таким образом, что они могли осветить почти все помещение, быстро и ловко постелил на диване и покинул гостя.

Оставшись один, Ренар посмотрел вокруг себя и застыл в удивлении. Вся комната от пола до потолка была заставлена книгами. В центре ее громоздился длинный стол, также

заваленный стопками книг. Несколько кресел и один огромный диван, на котором ему предстояло спать, стояли возле шкафов. Ренар удивленно оглядывал ровные ряды книг, пытаясь различить названия... Здесь были исторические труды и стихи, старинные книги о ядах и чародействе и новые романы...

Молодой человек вытащил наугад маленький изящный томик в сафьяне с золотым обрезаем и сел в кресло. Под тусклым светом свечи он полистал книгу, зацепился глазами за какую-то фразу, странно знакомую... и начал читать.

Он прекрасно помнил, что никогда раньше не держал в руках этой книги, но отчего-то ему все время казалось, что он знает, что будет дальше, на следующей странице. И он читал, чтобы подтвердить свою догадку, и она подтверждалась.

Перед его внутренним взором вставали, сменяя друг друга, яркие картины. Вставали так отчетливо, словно все это уже было даже не прочитано, а увидено однажды...

Эта была книга о далеком прошлом, скрытом мглой веков. О рыцаре, который ехал по лиловеющим вересковым холмам вдоль берега северного моря.

Был хмурый летний день, над морем стоял густой туман. Нет, книга была старинной, и такого описания там не было. Там просто говорилось: «Рыцарь Вулпес ехал по берегу моря. Лицо его было белее тумана. Доспехи его блестели без солнца. На щите его – червлёный лис на серебряном поле». Но Ренар до мельчайших подробностей видел этот день,

этот берег, этот лиловый вереск, эти прибрежные белесые утесы. И башню, похожую на маяк. Собственно, она и служила маяком. Наверху ее горел огонь, указывающий путь кораблям и приветствовавший заблудившихся в тумане. Он видел, как рыцарь подъехал к башне, как протрубил под ее стенами в свой серебряный рог, как открылись ворота и как встретила рыцаря во дворе прекрасная дама в зеленом платье с длинным поясом, дважды обернутым вокруг ее тонкого стана и спускавшимся до земли. Видел ее медно-рыжие кудри, схваченные золотым обручем, и розу в руке. Видел, как она приказала слугам помочь рыцарю сойти с коня и позаботиться о его боевом друге, как сама накинула ему на плечи красивый короткий плащ, подбитый горностаем, и пригласила к столу. Видел, как горел огонь в огромном камине в середине залы, каменный пол которой устилали зеленые ветки, лилии и ирисы. Видел, как рыцарь вымыл руки в узорном тазу, как расставили большой стол, накрыли его белой скатертью и принесли многочисленные яства. И как Рыжекудрая Дама сама поднесла рыцарю золотой кубок, держа его обеими руками, а он осушил этот кубок до дна, не подозревая о том, что в нем было. И забыл о своей невесте, Светлокосой Эйлин, о ее голубых очах и изогнутых черных бровях, о её полных губах и ямочке на подбородке, и о кольце с сардониксом, которое отдал он ей в знак любви и верности, и о том, куда лежал его путь. Теперь перед ним были другие очи – зеленые, как смарагд, и другие губы, нежные, как ле-

пестки розы.

Но сон брал свое... и Ренар заснул, не дочитав до конца первую часть романа.

8

Пожелав своему гостю спокойной ночи, дама тотчас же прошла в спальню. Она чувствовала себя немного усталой и отчего-то взволнованной. В комнате оглушительно благоухала белая лилия, подаренная Ренаром: она пахла так сладко, так влекуще, так головокружительно... В ней было столько чувственности и одновременно столько чистоты и прелести!

Переодевшись ко сну, дама опустилась на край постели, распустила свои медно-рыжие волосы и долго сидела так. О чем она думала? О том вопросе, который задал ей Ренар? О любви, о трижды прощенном предательстве? Об увядших розах? О странно затянувшемся дожде? Мысли путались у нее в голове... Она погасила свечу и легла, подумав о том, что завтра, наверное, выглянет солнце...

Глава третья

1

Странно было бы жить в одном городе, пусть и на разных берегах реки, и не встретиться. Первой заговорила об этом, конечно, она... Она вообще не понимала затяжных виртуальных отношений. Написанное слово и слово произнесенное – не одно и то же. А уж то, что из себя на самом деле представляет человек, – вообще отдельный разговор. Поэтому она предложила ему встретиться, и он радостно согласился.

И вот она ждала его в кафе, за столиком возле самого входа, пила martini и нервничала.

История ее знакомства с Александром и нескольких недель их виртуальных отношений была довольно странной. Она приняла его в «друзья» неохотно и без особого энтузиазма отнеслась сперва к его отвлеченному умничанию и попыткам в два часа ночи выяснить ее мнение по поводу личности Понтия Пилата. Но что-то в его старомодной церемонности цепляло ее, и постепенно она втянулась в диалог, переводя его в менее интеллектуальное русло. Оказалось, что им обоим нравится рисовать, и они стали посылать друг другу рисунки и советоваться по поводу возможностей графиче-

ческого редактора. Иногда их беседы касались поэзии, рыцарской литературы и рыцарства вообще. Александр учился на юридическом факультете, филология не была ему особенно близка, а вот историей Средневековья он действительно увлекался, и это также сблизило их.

Очень быстро они стали друзьями, вели долгие беседы в сети, и несколько раз он помогал ей в поисках источников, когда она работала над статьей для академического журнала. Беседы эти сопровождались своеобразной литературной игрой: зачастую они стилизовали свою речь, словно исполняя роли рыцаря и Прекрасной Дамы, разделенных дальними землями и морями. Истории Гийома де Машо и Перонеллы или Жофре Рюделя и графини Триполитанской казались им странно похожими на современные виртуальные отношения... И, похоже, что они немного заигрались. Бог знает, что они навоображали друг о друге – рыцарь, дама, недомолвки и неуместные откровения...

Странно, но, с волнением ожидая встречи, она вовсе не думала о том, что он разочаруется, увидев вместо Прекрасной Дамы обычную женщину средних лет... Она скорее боялась разочароваться сама. Боялась, что вдребезги разобьется тот образ наивного и прекрасного рыцаря, который мерещился ей за его посланиями.

Александр опаздывал, она злилась и вертела в руках мобильник. Наконец, не выдержала и набрала номер... и впервые услышала его голос. Она резко спросила, ждать ли его.

Он извинялся, говорил что-то об электричестве, которое выключилось, когда он брился... и попросил еще десять минут. Она выпила второй martini и расплатилась.

Когда он, наконец, пришел, первым ее чувством было некоторое облегчение... Он не был так красив, как хотелось бы, но... могло быть и хуже. Ладная фигура, красивые руки, небрежно причесанные темно-каштановые волосы, падающие челкой на лоб, вполне правильные черты лица и — глаза. Удивительно красивые карие глаза с густыми ресницами.

Пожалуй, подвел его только рост... Почему-то в голове у нее сразу всплыли слова «маленький рыцарь». Кажется, так называли пана Володыевского в «Потопе». Впрочем, какое это может иметь значение, она же не любовника выбирает... Просто привычка: в каждом мужчине видеть мужчину, даже если он значительно моложе или старше.

Он был, по-видимому, очень раздосадован своим опозданием и ее нескрываемым недовольством и чувствовал себя не в своей тарелке. Вспомнив психологию, она предложила ему сесть не напротив, а рядом с собой на диванчике, но разговор все равно не очень клеился. Он заказал кофе, они посидели немного, чувствуя какую-то натянутость, а потом она предложила пойти в парк, и там почему-то все вдруг стало просто и легко...

Ни он, ни она не могли потом вспомнить, о чем говорили в этот день, то гуляя по аллеям среди задумчивых статуй,

то сидя на зеленых скамейках, отнимая друг у друга фотоаппарат и бесконечно нажимая на спуск. Сперва, конечно, об Алине; потом о нем, о его учебе и работе ночным охранником (мужчина должен работать); о ее преподавании в университете, об искусстве; о вечной любви; о том, как разумно и по плану сложится его жизнь. И еще о том, какими странными стали женщины: они хотят делать карьеру и все не спешат создать семью и детей. Из-за этого он ссорится с Алиной. Он хочет поскорее жениться и завести детей, но у нее другие планы: она так честолюбива. И еще о том, что женщины и мужчины говорят на разных языках и без словаря бывает просто не обойтись.

Потом он пытался читать ей стихи, но она тут же остудила его пыл парой язвительных замечаний, и он впервые в жизни принял критику и даже не обиделся. И все это время они фотографировали друг друга одним аппаратом, словно желая сохранить каждый миг этой странной встречи.

Спустя четыре часа, несмотря на свой романтический восторг, он проголодался, и она повела его обедать. По дороге он вспомнил, что не расплатился за кофе, и они пошли в то же самое кафе, в каком встретились, и долго пытались выяснить у официанток, кому же он должен. И снова сидели рядом. Какой-то жучок из сада заполз ей за вырез блузки, и Александр, слегка краснея, помог ей извлечь его оттуда. А потом они вышли и отправились кружить по набережным...

Прощались они в переулке напротив ее балкона, на другой стороне улицы... Он взял ее руку и поднес к губам, как в старинном романе. Странно, но получилось совершенно естественно. Она улыбнулась и пошла через дорогу к своей парадной, а он заторопился по переулку к автобусной остановке. Когда она открывала дверь, он был уже довольно далеко, на углу. Она посмотрела в его сторону... Он стоял и смотрел на неё, но, заметив ее взгляд, смешался и сделал вид, что у него зазвонил телефон.

Дома муж уже начал за нее волноваться. Только тогда она поняла, что прогуляла восемь часов... и почувствовала, как болят спина и ноги. Не девочка ведь, в конце концов.

Она приняла ванну и попросила мужа сделать ей массаж.

2

Уже третий день, вместо того, чтобы вникать в роман Кретьена, она рисовала эту картинку. Вечер. Дождь. Дом в пустом переулке. Засыпанная палым листом подворотня, сквозь которую видны двор с облетающим деревцем и рыжая кошка, обходящая лужу. Горящий фонарь, два мотылька, кружащих вокруг него, и двое людей, прощающихся возле парадной... Девушка в длинном сиреновом платье и шляпке с вуалью, подхваченной порывом ветра, и молодой человек в двух шагах от нее. Они как будто только что расцепили руки. Ветер готов разметать их, унести девушку, как видение...

и над ними высоко в воздухе парит черный зонтик. Она уже придумала для нее название – «Осеннее прощание».

Ей было грустно... невыносимо грустно. Август катился к концу. Скоро должна была приехать уехавшая на каникулы в Англию Алина... Кончатся отпуска, закрутится жизнь... А она уже так привыкла к тому, что каждый вечер, открывая свою страничку, находила письмо Александра с его неизменным «Добрый вечер» и лукавым смайликом.

Как трудно будет отвыкнуть...

Однажды она написала ему это... «Как трудно будет отвыкнуть». «Зачем отвыкать?» – спросил он...

– Вы начнете учиться, приедет Алина, приедут ваши друзья... Вам станет не до меня. Да и я не смогу сидеть по ночам... у меня занятия в университете и много работы.

– Но я буду и днем. Вернее, вечером. Поверьте, для вас я всегда найду время.

– Ладно, не будем загадывать. Жизненный опыт привел к тому, что, сближаясь с кем-то, я моментально начинаю думать о неизбежности конца... Я знаю все, что вы мне захотите возразить, Александр. Наверное, так нельзя. Но наступать по сто раз на одни и те же грабли тоже неприятно.

– Лежат грабли на пути одного человека. Этим путем он ходит каждый день. Наступив несколько раз, он знает о свойствах граблей и заранее опасается их... Но ведь можно просто поднять и убрать их с дороги! Может, и тут стоит не опасаться, а найти другое решение? Не надо бояться чего-то за-

ранее... Страх гложет душу, а ведь он может быть беспричинным. Вы беспокоились по поводу встречи, но ведь она вам понравилась, разве нет? Теперь вы боитесь другого...

– Да, мне страшно. Вы мне очень дороги, мой милый рыцарь. Я знаю, что нельзя в этом признаваться. Но я это говорю.

– Спасибо вам за это. Но вы ведь знаете, что я не воспользуюсь этим... Ведь вы мне тоже очень дороги.

– Спасибо и вам, Александр. Что бы ни случилось дальше – я вам благодарна за все. Но уже поздно... Прощайте, мой милый мальчик.

– Я бы не сказал, что я мальчик... Но «милый» мне нравится.

– Хорошо, пусть будет просто – «мой милый». Кстати, так я не обращалась и не обращаюсь ни к кому, кроме вас. Только не вздумайте воображать о себе бог знает что!

3

Они стояли в саду возле заднего крыльца ее дома и все никак не могли проститься. В этот день приезжал из дальней поездки ее муж, и она должна была вернуться домой пораньше.

– Спасибо вам, мсье Ренар. Что бы ни случилось дальше – я вам благодарна за все. Но уже поздно... Прощайте, мой милый мальчик.

– Я бы не сказал, что я мальчик... Но «милый» мне нравится.

– Хорошо, пусть будет просто – «мой милый». Кстати, так я не обращалась и не обращаюсь ни к кому, кроме вас.

Дама медленно подняла на Ренара глаза, в которых он увидел сразу все: слезы, улыбку, страх и нежность. Она хотела еще что-то сказать... Но почему-то не могла.

И он тоже молчал, он тоже хотел что-то сказать, что-то сделать, но чувства словно мешали ему, и единственное, что он все-таки смог – это улыбнуться.

Она протянула ему обе руки.

– Друг мой... – голос ее прервался, и она никак не могла совладать с ним.

Ему казалось, он одновременно и знает, и не знает все, что ему скажут. Он чувствовал руки дамы в своих, тепло ее тела под тонкой перчаткой... Он хотел слушать, и хотел сам говорить, но казалось, что в этом нет нужды. Ведь все уже говорят их души.

– Надеюсь, ваш муж не стоит с ружьем у окна, – наконец сказал он шутливо.

– А вы боитесь?

– Не боюсь. Даже если пуля попадет в сердце, оно не перестанет биться ради... ради некоторых людей...

Дама казалась слишком взволнованной, чтобы что-то ответить. Руки, которые Ренар все еще продолжал держать в своих, не решаясь ни поцеловать, ни отпустить, дрожали,

а грудь вздымалась.

– Пожалуй, вам пора, мсье Ренар... – сказала она наконец. Но глаза ее говорили иное.

– А может быть, погуляем еще по саду?.. – сказал он, глядя на нее с надеждой.

– Как хотите... – обреченно отозвалась она и попыталась освободить руки.

С явным сожалением отпуская их, он спросил:

– А разве вы не хотите?

– Я не очень хорошая собеседница сегодня, мсье Ренар, – ответила она, явно разочарованная тем, что он ее отпустил. – Но если вас это устраивает...

– Вы чем-то расстроены?

– О нет, нет, совсем напротив, – возразила она и несмело улыбнулась.

– Вы ведь знаете, что можете рассказать мне всё...

Она покачала головой.

– Вам? Вам, мсье Ренар, я как раз могу рассказать далеко не всё.

– И все же мне кажется, что вы чем-то глубоко расстроены...

– Конечно, – лукаво засмеялась она. – Тем, что вы отпустили мои руки. Ужасный вы человек!

– Я не ужасный... Я хороший.

– Да, вы хороший... Вы слишком хороший. Я вас боюсь.

– Не бойтесь... Неужели вы думаете, что я могу причи-

нить вам зло?

– Вы не понимаете, мсье Ренар... Вы слишком хороший... И то, что вы появились в моей жизни, – слишком хорошо. Так не бывает.

– Но я же есть.

– Я боюсь очнуться.

– Вы разве спите? Не ищите везде смысл!

– Глупый маль... эм... мужчина...

4

У нее не получалась мужская фигура. Из-за этого она за- сиделась допоздна и наконец написала Александру: «До чего же странная получается картинка».

– Чем же она странная?

– Не знаю... Настроением... Фигурами... и вообще. Там ночь... фонарь... зонтик в воздухе... значит, дождик. Они стремятся друг к другу, но их что-то разводит.

– Может, они чего-то боятся?

– Да, наверное.

– Но есть надежда, что они преодолеют страх?

– Там на картине еще два мотылька возле фонаря. Они кружат у огня.... Александр... я боюсь обжечься.

– Обжигаются обычно те, кто мешает гореть огню, а не те, для кого он горит... не гаснет ни в дождь, ни в снег.

– Женская фигура в общих чертах готова. Осталось ли-

цо. А вот мужская... Не получается рука. В смысле – жест не до конца понятный. Вообще, мужчина мне не очень понятен. Я знаю, что чувствует она, а вот он... Ведь одинаково у двух людей не бывает. А вся картинка... Я поняла, в чем странность. В ней все застыло... Время как будто остановилось.

– Мужчина?.. Мужчина чувствует неловкость, стремление остановить, задержать её всеми силами и понимает, что, наверное, это бесполезно. Мне кажется, его жест – это попытка еще раз прикоснуться к ней, задержать хотя бы на чуть-чуть. Он надеется...

Он немного помолчал.

– Я помог вам?

– Я не знаю, что вам сказать. Хочется что-то разумное... и не получается. Господи, опять дождь пошел... и ветер... и так тревожно на душе... и так хорошо...

– Дождь умеет успокаивать. Не тревожьтесь.

– Знаете, Александр, у меня, пожалуй, в первый раз в жизни нет слов, чтобы передать то, что я чувствую. Да, мне тревожно... но не за себя.

– А за кого? Или за что?

– Если не за себя... то за кого же?

– Не тревожьтесь. Огонь горит и будет гореть. Испытания были, испытания будут, испытания есть всегда. Но огонь горит в душе, без него мы никто.

– Как вы любите отвлеченные сентенции! Кажется, я на-

шла этот жест!

– И какой же он?

– Не тот, что на эскизе. На эскизе они только что разъединили руки... Но жест получался немного скучный – одинаковый у обоих. А теперь иначе... Спасибо! Вы мне его подсказали.

– Как иначе? Я хочу увидеть...

– Увидите когда-нибудь... может быть.

– Надеюсь.

– Надейтесь. А мне пора спать. Знаете, я так плохо спала сегодня...

– Плохо? Отчего?

– Я постоянно просыпалась. Мне было как-то очень тревожно. И было так обидно, что я рано ушла от вас! Все равно же не спала. Все меня будило. То у мужа в телевизоре в полвторого гол забили, то под балконом кто-то отношения выяснял...

– А я почему-то сидел до утра. Чего-то ждал.

– Чего?

– Бывает, ждешь, но не знаешь, чего или кого...

На картинке девушка протягивала руку вперед, как будто для поцелуя. А мужчина стоял в двух шагах от нее, поднося свою руку к лицу, словно бы не решаясь протянуть ее ей навстречу или же, напротив, только что отпустив.

В их позе было что-то отчаянно тревожное... Мгновение, когда все еще здесь – и уже в прошлом.

Но, несмотря на это, она сказала:

– Спокойной ночи, мой милый. Сегодня я буду спать хорошо. Вы рядом, я знаю это. Вы всегда рядом. Ах, если бы только перестать бояться!

– Бывает, что прощание, даже самое мимолетное, на день, между двумя близкими людьми становится чем-то очень грустным. Хочется остановить человека и побыть еще чуть-чуть вместе... Но ведь мы не прощаемся. Огонь горит и будет гореть. А бабочки... Они посмотрят на пламя и будут там. Но оно их не спалит. Оно будет их оберегать. И запомните: любое прощание – это обещание следующей встречи. До завтра. Хороших снов.

– Спокойной ночи. До завтра... может быть.

– Почему вы всегда говорите «может быть»?

– Не хочу смешить Бога.

5

Они встретились возле камня в центре ее сада, в том месте, куда стремились все дорожки. Задняя калитка теперь часто как бы случайно оставалась незапертой, и Ренар мог попадать в сад, не привлекая ничьих взглядов, а место вокруг камня было особенно хорошо тем, что его нельзя было ниоткуда увидеть.

Камень, обточенный ветрами и временем, производил странное, какое-то мистическое впечатление. Казалось, что

под ним — вход в иной, фантастический мир. И еще он отчего-то напоминал Ренару о Средних веках, о короле Артуре и истории Экскалибура. Ожидая прихода дамы, молодой человек внимательно рассматривал его и даже потрогал. В одном месте подо мхом он нащупал остатки какого-то рельефа — надписи или изображения. Камень так сильно занимал его романтическое воображение, что он не сразу заметил приближение той, которую ждал.

Она держала в руках книгу, недочитанную им тогда в библиотеке.

— Вы просили дать вам этот роман... — сказала она, протягивая ему аккуратный томик. — Что вас так заинтересовало?

— Ну... Тогда, ночью, я начал читать и заснул, просто оттого что устал, но мне было интересно. Мне хочется узнать, чем там все кончилось. И потом... я люблю книги про рыцарей.

— Вам не понравится эта история, мсье Ренар.

— Отчего вы так думаете?

— Я ее читала. Там все очень печально. А дети не любят плохих концов...

— Я не ребенок!

— Но вы же не любите читать о грустном, вы сами говорили.

— Да, но... Неужели там всё так плохо? Он забудет свою даму?

Она улыбнулась:

– Которую?

– Разве у рыцаря их может быть несколько? Любовь бывает только одна... она вечна.

– Согласна. Любовь – вечна. Меняется только ее предмет.

– Ну вот, опять вы... А кто автор этого романа?

– Его приписывают Кретьену де Труа. Ну, так вы будете читать?

– Буду.

Он взял книгу.

– Вы не поверите, но когда я читал, мне все время казалось, что я знаю, что будет потом, в следующем абзаце... Но только в следующем. Прочитав один абзац, я словно поднимался на очередной холмик, откуда видел новый, идущий за ним... Но не дальше.

– Да, вы еще слишком молоды, вы видите только на один шаг вперед. Но, скажите... Вы не поняли, отчего текст кажется вам знакомым?

– Нет.

– Неужели... вы действительно не догадываетесь? – она странно и пристально посмотрела на него.

– Нет...

– А чего еще вы не поняли?

– Я... не совсем понял, что было в кубке, который она ему подала.

Она улыбнулась.

– Вино, разумеется. Это роман о вреде неумеренного упо-

требления пьянящих напитков.

Он спрятал изящный томик в карман.

– Я прочту... и если чего-то не пойму, я спрошу у вас.
А... скажите, как в вашем саду оказался этот камень?

– Камень? Не знаю. Почему вы об этом спрашиваете?

– Он какой-то странный... особенный...

– Наверное, он лежал тут еще до начала строительства дома, с давних времен. И его просто не стали трогать. Он прекрасно вписался в композицию сада, не правда ли? Выглядит очень романтично...

– Да, но... он меня отчего-то тревожит. А вас?

– Меня? – она улыбнулась одними глазами. – Меня – нет.
Давайте немного пройдемся по саду.

Они пошли по аллее.

Лето подходило к концу, и на песчаной дорожке то и дело попадались бледно-желтые листья.

– Скоро осень, – сказала дама.

Некоторое время они шли молча.

– Вы так и будете молчать? – спросила она, наконец.

– Мне хочется просто смотреть на вас, – ответил он.

– Послушайте... Я давно хотела вам сказать... Мы больше не сможем встречаться часто. Я отнимаю время, которое принадлежит другому человеку. Я... я чувствую себя ужасно.

– Не волнуйтесь! Я делаю только то, что хочу. Вы не отнимаете время... ни у кого.

– Ладно, дело не во времени... Вы прекрасно все понимаете! А если нет, то я должна понимать. Я уже, слава богу, не девочка... Мы непозволительно много значим друг для друга. С каждым днем это растет. Это может плохо кончиться, если не остановиться...

– Я знаю и понимаю. Не беспокойтесь. Неужели из-за этих опасений нам стоит прерывать общение? Общение с вами...

– Все очень серьезно, поймите. Я знаю, что противоречу сама себе. Я предупреждаю вас об опасности, но сама уже не могу обходиться без вас. Я намного старше вас, и я должна взять ответственность на себя, но это выше моих сил. Вы мужчина. Вам решать: играть с огнем или нет.

– Я все понимаю... давно. Я не боюсь и... хотел бы, чтобы вы доверились мне. Хотя для вас это, конечно, гораздо опасней...

– Когда вы так говорите, вы кажетесь мне совсем взрослым.

Он ничего не ответил, а просто опустил на одно колено и поцеловал край ее платья.

6

«Господин литератор! Я в совершенной растерянности! Вы по-прежнему продолжаете линию Ренара и дамы, и описываемое Вами выходит за рамки приличия и здравого смысла. Непонятно, кто же такой этот Ваш господин Ренар. Он

действительно испытывает влечение к этой пожилой особе и намерен ее соблазнить? Или же у него есть какой-то неизвестный нам пока материальный расчет? Возможно, он затеял эту игру просто для развлечения, начитавшись рыцарских романов? Сознательно ли он обманывает героиню, завлекая ее в безумные отношения, противные природе и не имеющие никакой перспективы, или же обманывает и самого себя? И какую мораль вы хотите преподать читателю? Хотелось бы получить от Вас разъяснения по этому поводу».

Литератор повертел письмо в руках. Кто же такой господин Ренар? Если бы можно было ответить на этот вопрос в двух словах, он бы давно это сделал.

7

Сентябрьский вечер был по-осеннему прохладным и затаенно печальным. Еще пышно цвели под окнами хризантемы, но на газоне уже повсюду виднелись желтые листья. Звезды казались особенно чистыми и холодными; они сверкали в небе металлическим блеском.

Горничная, согревавшаяся вечером красным вином, после того как промочила ноги во время похода по магазинам, задремала на кухне и забыла выпустить на ночь кошку. Поэтому даме пришлось самой отворить для нее двери в сад.

Пару минут они постояли на пороге. Прямоугольник теп-

лого домашнего света лежал на влажной дорожке. Русс не очень хотелось уходить, но что-то неосознанное влекло ее туда... Тем более, что она уже знала, что потом наступит зима и долгим прогулкам придет конец. Она потерлась разок-другой о ноги хозяйки и бесшумно скользнула в темноту. А дама еще немного постояла в дверях, вдыхая предосенний запах, вглядываясь в гущу сада и думая о своем.

Когда она, наконец, закрыла дверь, Русс была уже в центре сада, возле большого камня. Она спокойно обходила свои владения, как делала это каждую ночь. Новые кротовые кучки, знакомые норки землероек и полевых мышей, следы соседского кота Бонифаса, с которым она встречалась по весне, — все было, как обычно.

Внезапно она остановилась и напряглась, почуяв незнакомый запах. Чужой, дикий... хотя, как ей показалось, не враждебный. Кошка замерла. За кустами мелькнула тень и тоже остановилась. Наверное, минуты три никто не шевелился, а потом... на поляну к камню в полосу лунного света выступил лис.

Он был молод и очень красив. Луна серебрила густой зимний мех, который уже начал отрастать на спине, и длинный пушистый хвост с белым кончиком. Передние и задние лапы у лиса украшали черные чулки, на животе шерсть была белой, а по рыжей спине тянулась бурая полоска. В темноте дивно поблескивали его золотисто-карие глаза.

Русс напряглась. Здравый кошачий смысл подсказывал ей,

что лучше всего было бы скрыться на дереве, но она смотрела на лису, как завороченная, а он сделал шаг в ее сторону... и еще один... и еще... и, кажется, бежать было уже поздно. Чужой зверь подошел совсем близко и, хотя кошка и находилась в тени, он, несомненно, уже видел ее и направлялся прямо к ней. К тому же лапы у нее странно ослабли, дыхание перехватило, а в низу живота началось непонятное жжение. Все же, собрав последние силы, она запоздало отпрыгнула, повернулась к нему хвостом и сделала попытку бежать к большому дереву, стоящему рядом.

Но это скорее помогло лису, чем помешало. Он в два прыжка настиг ее и прижал к земле всем своим мощным горячим телом. Кошка пыталась вывернуться, извиваясь под ним, как змея, шипя и жалобно мяукая. Она чувствовала, как его дыхание обжигает ей затылок, и сжалась от страха, ожидая, что он укусит ее. Но внезапно почувствовала прикосновение влажного языка за ушами.... Еще... и еще. Это было неожиданно... и очень приятно. Так приятно, что Русс затихла и перестала выворачиваться. Она уже не шипела, а только тихонько жалобно стонала. Лис тоже ослабил хватку. Тогда она попыталась встать, но он по-прежнему, хотя и мягко, прижимал ее грудь и плечи к земле и ей удалось лишь, прогнувшись в позвоночнике, поднять заднюю часть туловища... А лис только этого и ждал.

...Когда он вошел в нее, Русс как будто пронизало электрическими разрядами, горячая волна прокатилась от низа

живота к груди, остановилась комком в горле, а затем вырвалась наружу странным горловым мяуканьем. На мгновение кошке показалось, что она сейчас умрет, но уже через несколько секунд она всем телом содрогалась от наслаждения. И чувствовала, что никогда и ни с кем в ее жизни не было ничего подобного... И никогда не будет, проживи она сполна хоть все свои девять жизней.

Потом она встала, пошатываясь.... И тихо лизнула лиса в морду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.